

ВИЛЬГЕЛЬМ АДАМ

63.3(2)622

A28

CA-406342

16+

УЖАС СТАЛИН ГРАДА

ОТКРОВЕНИЯ АДЪЮТАНТА ПАУЛЮСА

ВИЛЬГЕЛЬМ АДАМ

УЖАС

СТАЛИНГРАДА

ОТКРОВЕНИЯ АДЪЮТАНТА ПАУЛЮСА

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

ЯУЗА

**МОСКВА
2023**

СА-406342

ГЕРМАНСКИЕ ВОЙСКА ПРОДВИГАЮТСЯ К ВОЛГЕ

Смерть фельдмаршала

Полтава, 14 января 1942 года. Офицеры оперативно-го отдела штаба 6-й армии беседовали, сидя в своей столовой. Обед уже кончился. Мы еще ждали главнокомандующего, генерал-фельдмаршала фон Рейхенау. В этом не было ничего необычного. Во внеслужебное время Рейхенау не отличался пунктуальностью. Случалось ему являться к столу и в спортивном костюме — это было ему нипочем. Мы знали, что он в то утро, как обычно, в сопровождении своего молодого адъютанта, старшего лейтенанта кавалерии Кетлера, тренировался в верховой езде со стрельбой. Оттого, вероятно, он и задержался.

Привычки Рейхенау были нам знакомы, поэтому нас не удивил его поздний приход. Однако поразило нас другое: он шел к столу неверной походкой, словно с трудом держался на ногах. И если он всегда ел охотно, с аппетитом, то сегодня он только ковырял вилкой в своей тарелке. При этом он чуть слышно стонал. Это заметил полковник Гейм, начальник штаба армии. Он с тревогой посмотрел на Рейхенау.

— Вам нездоровится, господин фельдмаршал?

— Не беспокойтесь, Гейм, это скоро пройдет, не обращайтесь на меня внимания.

В эту минуту меня вызвал в коридор вестовой. Там ждал полковник юстиции Нейман.

— Передайте, пожалуйста, фельдмаршалу, что мне нужно, чтобы он срочно подписал кое-какие бумаги. Почта должна быть сегодня же отправлена Главному командованию сухопутных сил (ОКХ).

Когда я передал это Рейхенау, он ответил, что просит полковника Неймана несколько минут подождать.

Я вышел, чтобы уладить вопрос о сроке представления кое-каких документов. В передней я еще немного поговорил с Нейманом и одним из наших офицеров-ординарцев. Тут отворилась дверь и появился Рейхенау. Он подписал поданные ему бумаги. За ним стоял денщик, готовясь подать ему шинель. Но ему не пришлось это сделать: фельдмаршал вдруг пошатнулся. Мы успели подхватить его тяжелое падающее тело.

Еще не придя в себя от испуга, я через несколько секунд стоял уже в столовой клуба перед начальником штаба:

— Господин полковник, фельдмаршал...

Пораженные, все выбежали в переднюю. Генерал-фельдмаршал, еще недавно полный энергии и жизненных сил, сейчас бессильно лежал на руках двух ординарцев. Его словно потухшие глаза пристально смотрели куда-то в пустоту. По-видимому, он был без сознания.

Начальник медслужбы 6-й армии доктор Фладе за два дня до происшествия уехал в командировку в Дрезден. Поэтому я вызвал главного врача госпиталя в Полтаве. Мы отвезли фельдмаршала в автомобиле на его квартиру.

Подоспевший врач установил паралич с поражением центральной нервной системы. Он озабоченно качал головой. Правая рука и правая половина лица Рейхенау были парализованы.

Полковник Гейм немедленно дал знать о происшедшем Главному командованию сухопутных сил и в ставку Гитлера. Ведь Рейхенау был командующим как группы армий «Юг», так и 6-й армии. Теперь и та и другая оста-

лись без руководства. Это было тем более неприятно, что советские войска вели сейчас с флангов успешное наступление на нашу армию.

Когда доктор Фладе был все-таки вызван телеграммой из Дрездена, Гейм предложил ОКХ, кроме того, доставить самолетом в Полтаву профессора Хохрейна, который был домашним врачом Рейхенау в Лейпциге. В тот момент Хохрейн находился на Северном фронте. 16 января профессор Хохрейн и доктор Фладе прибыли в Полтаву на самолете.

Состояние Рейхенау к этому времени значительно ухудшилось. Диагноз гласил: глубокое кровоизлияние в мозг. Вечером 16 января казалось, что наступило небольшое улучшение. Консилиум врачей решил воспользоваться этим, чтобы транспортировать Рейхенау в Лейпциг, в клинику профессора Хохрейна, — если только вообще и там удалось бы помочь столь тяжело больному.

17 января 1942 года в половине восьмого стартовали два самолета. Фельдмаршал не дожид до этого момента. Он скончался перед самым отлетом. В одной машине доктор Фладе сопровождал покойника, в другой летел профессор Хохрейн.

Около 11 часов в поле видимости показался Лемберг¹, где нужно было набрать горючее. Самолет с телом Рейхенау пошел на посадку слишком поздно, врезался прямо в ангар на аэродроме и разбился вдребезги. Тело фельдмаршала было так изуродовано, что его останки пришлось перевязать бинтами. У доктора Фладе оказалась сломана левая рука. Вскоре после этой аварии, 11 февраля 1942 года, он писал в письме к генералу Паулюсу: «Мой пилот считал, что в Лемберге ему будет удобнее приземлиться, и на лету повернул как раз

---

¹ Так немцы называли г. Львов.

туда, где в 11 ч. 30 м. и произошло несчастье при этой попытке... Поистине чудо, что мы все не разбились насмерть, особенно если посмотреть, что случилось с самолетом»¹.

Гитлер приказал организовать за счет государства торжественные похороны фельдмаршала Рейхенау. В качестве представителя 6-й армии на траурной церемонии присутствовал генерал-майор фон Шулер, бывший в течение многих лет адъютантом Рейхенау. Начавшиеся тем временем ожесточенные бои лишали возможности отлучиться кому-либо из начальников отдела нашего штаба.

Новый командующий 6-й армией Паулюс

Руководство группой армий «Юг» было возложено на фельдмаршала фон Бока. 20 января 1942 года он приступил к обязанностям командующего. В тот же день прибыл в Полтаву и генерал-лейтенант Паулюс, вновь назначенный командующий 6-й армией. Вызванное смертью Рейхенау междуцарствие кончилось.

Перед обоими командующими стояли трудные задачи. Соединения Красной армии выбили 294-ю пехотную дивизию с ее позиций в районе Волчанска, северо-восточнее Харькова. В результате наступления по обеим сторонам Изюма в стыке 17-й и 6-й армий советские войска глубоко вклинились в наши позиции. Резервами мы не располагали. Под угрозой оказались Харьков, Полтава и Днепропетровск. Из тех дивизий, которые не подверглись удару, были выделены пехотные батальоны, артиллерийские дивизионы и переброшены на юг для усиления правого фланга армии. Из армейского тылового района была спешно выдвинута охранная дивизи-

---

¹ Архив автора.

зия, не имевшая тяжелого оружия; ей предстояло задержать восточнее Полтавы острие наступающего советского «клина». Сводные батальоны, составленные из тыловых подразделений, предполагалось использовать для непосредственной обороны находившихся под угрозой городов.

Положение армии было отнюдь не блестящим, когда я встречал Паулюса на аэродроме. Он стоял передо мной высокий, стройный. Сначала он слушал мой доклад сдержанно. Затем на его худом лице появилась улыбка.

— Тоже гессенец?

— Так точно, господин генерал, — ответил я.

— Ну тогда, Адам, мы с вами сойдемся быстро.

Затем Паулюс поздоровался со своим старым знакомым, капитаном Дормейером, начальником офицерского казино, который приехал со мной на аэродром.

Когда мы сели в машину, Паулюс первым делом спросил:

— Как на фронте? Я знаком с вчерашней вечерней сводкой армии. Изменилось ли за это время что-нибудь?

— Нас крайне тревожит вопрос, устоит ли перед растущим натиском Красной армии слабый фронт обороны, созданный из собранных наспех частей и подразделений. Начштаба очень рад вашему приезду.

Паулюс сразу же поехал к полковнику Гейму, начальнику штаба 6-й армии. Гейм вместе с остальными офицерами штаба основательно подготовился для доклада приступающему к своим обязанностям новому командующему. На оперативную карту были нанесены новейшие данные, подсчитаны потери, понесенные нами за последние дни. Начальник оперативного отдела и начальник разведывательного отдела доложили о численности, боевом опыте и боеспособности наших частей.

Затем они охарактеризовали состав советских войск и сообщили последние данные разведки.

Полковник Гейм предложил объединить под одним командованием те боевые группы, которые пока входили в различные полки и дивизии, но выполняли одну задачу. Выбор пал на генерала артиллерии Гейтца, командовавшего VIII армейским корпусом. Паулюс знал его как стойкого солдата, на него можно было положиться. Гейтц действительно в короткий срок добился согласованности действий этих боевых групп. Он значительно укрепил их с помощью четкой организации артиллерийского огня и форсированного строительства оборонительных позиций. 113-я пехотная дивизия была передана в VIII армейский корпус и также введена в бой фронтом на юг в месте прорыва южнее Харькова. Казалось, опасность предотвращена.

В эти дни мне неоднократно приходилось видеть, как добросовестно работает Паулюс. Ему была чужда размахистость, свойственная покойному Рейхенау. Каждая фраза, которую Паулюс произносил или писал, была точно взвешена, ясно выражала его мысль, так что не вызывала никаких сомнений. Если Рейхенау был командующим, который легко, не боясь ответственности, принимал решения, и его особенно характерными чертами являлись твердость, несокрушимая воля и отвага, то Паулюс представлял собой полную противоположность. Еще будучи молодым офицером, он получил в товарищеской среде прозвище Кунктатор¹ — Медлитель. Его острый, как клинок, ум, его непобедимая логика снискали ему уважение всех сотрудников. Я не помню такого случая, когда бы он недооценил противника и переоценил собственные силы и возможности. Решение его со-

---

¹ Кунктатор (латинск. cunctator) — от прозвища древнеримского полководца Фабия, уклонявшегося от решительного боя и предпочитавшего занимать выжидательное положение.

зревало только после длительного трезвого обсуждения, только после обстоятельного обмена мнениями с офицерами штаба, во время которого тщательно взвешивались все мыслимые случайности.

В отношениях с подчиненными Паулюс был благожелательным и неизменно корректным начальником. Впервые я убедился в этом, когда ездил с ним в штабы подчиненных ему корпусов и дивизий. 28 февраля днем мне сообщил начальник штаба, что я буду 1 марта сопровождать Паулюса во время его поездки на фронт. Тут он, как бы между прочим, протянул мне полученный с курьерской почтой из управления кадров список получивших очередные звания. Я бегло просмотрел его — одна фамилия была подчеркнута. Начальник штаба, поздравляя, протянул мне руку: с 1 марта 1942 года я был произведен в полковники.

— Ставлю вас в известность сегодня же, чтобы вы могли завтра утром доложить об этом перед отъездом командующему. За год вы из майора стали полковником, этим вы можете гордиться.

И я тогда действительно этим гордился.

Я быстро внес необходимые уточнения на своей оперативной карте. Начштаба ознакомил меня с маршрутом. Наша поездка должна была продолжаться три-четыре дня.

Поездка к корпусам армии

На другое утро часов около восьми мы отправились на легковом вездеходе марки «Кюбель» к соединениям у места прорыва, восточнее Полтавы. Нас сопровождало несколько связных мотоциклистов. Было ясное морозное утро. Даже меховые шубы не спасали от пронизывающего восточного ветра. Дорогу часто преграждали сугробы. Колонны солдат тыловой службы и местные жители были в состоянии расчищать дорогу только от

ПРОВАЛ НАСТУПЛЕНИЯ НА СТАЛИНГРАД

Мы занимаем рубежи на западном берегу Дона

Разведка местности показала, что наилучший исходный район для наступления 6-й армии на Сталинград представляет собой излучина Дона между Лученским и Островским. Здесь западный берег порос лесом. Густой кустарник и глубокие лощины, пересекающие крутой берег Дона и спускающиеся к реке, обеспечивали прекрасную маскировку. Они позволяли незаметно для противника подтянуть прямо к реке все средства, необходимые для форсирования реки и наведения переправ для танков. Кроме того, с занимаемого нами западного берега на расстоянии многих километров хорошо просматривалась более низменная равнина к востоку от реки.

На командном пункте Паулюс разъяснял командирам корпусов план наступления. Он предполагал создать по обе стороны Вертячего плацдарм на восточном берегу Дона силами LI армейского корпуса, а также 295 и 76-й пехотных дивизий (двух дивизий, которые пока не понесли почти никаких потерь), чтобы с этого плацдарма XIV танковый корпус мог выйти на Волгу к северу от Сталинграда. После прорыва оборонительной линии противника LI армейский корпус должен был взять на себя обеспечение правого, а VIII армейский корпус — левого фланга танков, наступающих к Волге. XI армейскому корпусу надлежало оставаться для обеспечения флангов в излучине Дона между Мело-Клетским и Клетской;

XXIV танковый корпус, у которого забрали 24-ю танковую и 297-ю пехотную дивизии, располагавший сейчас только 71-й пехотной дивизией, должен был создать силами этой дивизии плацдарм у Калача и оттуда наступать на восток.

Последние десять дней оперативный отдел штаба армии походил на пчелиный улей. Офицеры связи приходили и уходили, донесения просматривались и оценивались, командиры корпусов являлись в штаб для личных переговоров, летчики докладывали о своих наблюдениях, одно за другим происходили совещания. Теперь наступило спокойствие, исполненное ожидания. Что принесет завтрашний день?

Этот вопрос был главной темой наших застольных бесед 20 августа.

— Я не могу себе представить, — сказал начальник оперативного отдела, — чтобы переправа потребовала больших жертв. Позиции противника с нашей стороны хорошо просматриваются, наша артиллерия пристрелялась, пехотинцы и саперы проинструктированы. После короткой артиллерийской подготовки штурмовые лодки пересекут Дон. Пока противник опомнится, мы уже будем на другом берегу.

— Если все сойдет гладко, да, — возразил я. — Если же наша артиллерия не подавит все пулеметные гнезда противника, переправа может стоить больших жертв. Два дня назад один из дивизионных адъютантов, который сам был на передовой, рассказывал мне, что противник превосходно замаскировал свои позиции. Особенно трудно установить местонахождение пулеметных гнезд, размещенных непосредственно у берега.

Шмидт заметил:

— Не беспокойтесь, господа, это будет нелегко, но мы справимся с задачей.

На этом Шмидт простился с нами. Я уже давно собирался навестить двух старых товарищей по полку, кото-

КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ И ОКРУЖЕНИЕ

Буря разразилась

Телефон яростно звонил. Я сразу очнулся от сна. Не успел я взять трубку, как услышал далекий гул. Ураганный огонь, подумал я. Дежурный офицер доложил: «Тревога, господин полковник! Немедленно к начальнику штаба!»

То было начало советского контрнаступления. На листке календаря значилось: 19 ноября 1942 года.

Я надел китель, натянул сапоги и поспешил к Шмидту. Туда уже явились многие офицеры, которых разбудили, как и меня. Начальник штаба Шмидт уже поднял всю армию по тревоге. Положение стало крайне серьезным. Миновали дни напряженного ожидания, когда артиллеристы и танкисты не отходили от орудий, всегда готовые к отпору, пехотинцы лежали около пулеметов, снаряженных для ведения непрерывного огня, а ручные гранаты они клали около себя.

Вскоре вслед за мной к Шмидту прибыл командующий армией. Зазвонил телефон. Из Осиновки докладывал генерал Штрекер, командир XI корпуса.

— Здесь сущий ад, — доносил Штрекер, — невообразимый ураганный огонь обрушился на наши позиции. Земля буквально перепажана. У нас значительные потери. Однако основной удар, видимо, нанесен по румынам. Я связался по телефону со своим левым соседом, IV румынским армейским корпусом. Его начштаба настроен весьма пессимистически. Он опасается паники в

своих войсках. Наши дивизии держатся стойко, но из-за метели очень плохая видимость. Мы будем докладывать командованию о ходе дел.

Генерал Паулюс пояснил Штрекеру:

— Для обеспечения вашего левого фланга я намерен 14-ю танковую дивизию ввести в действие юго-западнее Мело-Клетской. О дальнейшем вы узнаете, когда выяснится направление удара противника.

Паулюс положил трубку, молча взглянул на нас и снова протянул руку к телефону.

— Соедините меня с группой армий «Б».

Офицер оперативного отдела группы армий принял первое донесение 6-й армии об артиллерийской подготовке противника.

С этого момента телефон в кабинете начальника штаба звонил почти не переставая. Донесения, запросы, распоряжения следовали одно за другим. Подготавлился вывод XIV танкового корпуса из города. Генеральный штаб получал информацию о происходящем от своего офицера связи при 6-й армии по его собственной радиостанции; то был майор генерального штаба фон Цитцевич, сменивший майора Менцеля. Но мы все еще не знали ничего определенного о намерениях и направлении удара противника. Наконец около 7 часов генерал Штрекер снова дал о себе знать.

Прорыв у румын

— Противник нанес удар со своего плацдарма. Мы пока удерживаем свои позиции. Удар нанесен по 3-й румынской армии. 376-я пехотная дивизия сообщает, что русские прорвали позиции IV румынского армейского корпуса и продвигаются вперед в южном направлении. Совершенно неясно положение 1-й румынской кавалерийской дивизии. Она уже не имеет никакой связи с левым соседом. Я переброшу 376-ю пехотную дивизию

для прикрытия нашего фланга, развернув ее фронтом на запад. Нарушена телефонная связь с 44-й пехотной дивизией. Связной мотоциклист доложил, что артиллерийским обстрелом почти вовсе разгромлены передовые позиции у румын, танки красных все сровняли с землей.

Паулюс одобрил переброску 376-й пехотной дивизии на отсечную позицию, потребовал восстановления связи с 14-й танковой дивизией, а 1-ю румынскую кавалерийскую дивизию, отошедшую на восток, подчинил XI армейскому корпусу.

Из штаба группы армий «Б» мы узнали, что советская артиллерия в течение многих часов обрушивала тысячи тонн стали на позиции 3-й румынской армии. Затем две ударные армии прорвались с плацдарма у Клетской и Серафимовича. Румыны, видимо, храбро оборонялись, но были смяты и обращены в бегство. В настоящее время советские бронетанковые соединения, механизированные пехотные части и кавалерия неудержимо движутся дальше на запад. Ни германский, ни румынский штаб не могли сказать, где находятся передовые части наступающего противника. Одно было ясно: уже создана угроза 6-й армии с тыла.

Не удались также мои попытки получить представление о потерях, постигших XI армейский корпус. Адъютант корпуса сообщил мне, что начиная с раннего утра связь почти постоянно нарушена. По его мнению, надо считаться с весьма большими потерями в 44 и 376-й пехотных дивизиях. 19 ноября офицеры штаба армии провели в томительном ожидании. Потом с каждым часом все более учащались сообщения о катастрофе. Хотя мы к вечеру еще не имели точного представления о масштабе советских успехов, но каждому было ясно, что нам угрожает смертельная опасность. Около 19 часов я

явился с докладом к Паулюсу. Сутулясь, он шагал взад и вперед по комнате. Чаше обычного нервно подергивалось его лицо. Он остановился передо мной.

— Итак, случилось то, что я предсказывал в течение недель. Гитлер не хотел признавать то, что ясно было любому простому солдату. А Кейтель и Иодль его в этом поддерживали. Несколько недель от нас отделялись пустыми фразами. Теперь мы должны расхлебывать кашу. При этом мы еще вовсе не знаем, удастся ли нам приостановить контрнаступление Красной армии.

Я молча кивал головой, ведь меня терзали те же мысли. Взволнованно Паулюс продолжал:

— Нам угрожает колоссальная опасность. Я вижу только один выход из создавшегося положения: отход на юго-запад. Необходимо действовать быстро.

Таково было и мое мнение. Поэтому я спросил:

— Действительно ли в этом случае командование армии должно испрашивать согласие генерального штаба? Ведь сейчас речь идет о жизни 330 тысяч человек.

— Именно потому, что дело идет о том, быть или не быть всей 6-й армии, я, как вы знаете, предложил оставить Сталинград. Это было отвергнуто. Все еще остается в силе приказ, согласно которому ни один главнокомандующий группой армий или командующий армией не имеет права без разрешения Гитлера оставить населенный пункт или даже окоп. Разумеется, этим парализуется решимость всякого командующего армией. Однако на что же это похоже, если в условиях войны приказы больше не будут выполняться? Как это отразилось бы на армии? Чем большей властью обладает генерал, тем в большей мере он должен быть для своих солдат образцом в соблюдении приказов.

Эта принципиальная позиция определяла поведение Паулюса и в последующие дни. Как бы повелительно ни требовали обстоятельства действовать самостоятельно, Паулюс постоянно колебался, но не принимал реше-

ТРАГИЧЕСКИЙ ФИНАЛ

Громовой ответ

Вокруг все гремело, земля сотрясалась. Сталь градом сыпалась на «крепость Сталинград», кромсала людей и животных, разносила вдребезги укрытия, автомашины, оружие и рвала телефонные провода. Связь между командованием армии и штабами еще поддерживалась несколькими радиопередатчиками, уцелевшими от разрывов снарядов, мин и залпов реактивных минометов. Таков был ответ Красной армии на отказ капитулировать. Это началось 10 января 1943 года.

В блиндаже начальника оперативного отдела телефонист тщетно пытался установить связь с VIII армейским корпусом. В начале огненного шквала оттуда передали сведения о причиненных разрушениях. Затем корпус замолчал — связь оборвалась. Пока мы с тревогой ждали, чтобы устранили повреждение, артиллерийский огонь стих. Вероятно, теперь пошли в атаку танки и пехота противника. Наконец VIII корпус ответил. Оттуда сообщили, что лавина советских танков с пехотой на броне прорвалась на нашем западном, а затем и южном участках фронта, немецкие оборонительные позиции попросту раздавлены. Солдаты дрались отчаянно, но все было напрасно. Им не удалось сдержать натиск, поскольку не хватает не только противотанкового оружия, но даже винтовочных патронов. Несмотря на приказ начальника штаба, не удалось вырыть окопы и бункеры в окаменевшей от мороза земле. Кто уцелел и не смог

спастись бегством, захвачен в плен наступающими советскими войсками. Танковые клинья все глубже взламывали наш фронт. А у нас не было резервов.

Постепенно картина стала ясной. Главный удар приняли на себя дивизии VIII армейского и XIV танкового корпусов. Удар советских войск нацелен в сердце котла, на аэродром Питомник. 44, 76-я пехотные и 29-я моторизованная дивизии сильно потрепаны. Еще не было известно, что от них уцелело.

Все время по радио и телефону поступали новые страшные вести. Старший адъютант едва успевал исправлять оперативные карты. В юго-западном углу котла тоже сгущались тучи. С конца ноября 1942 года там стояла 3-я моторизованная дивизия. Были потеряны населенные пункты Дмитриевка на западе, Ракотино и Цыбенко — на юге. Начальник оперативного отдела пристально смотрел на карту. Я вопросительно взглянул на полковника.

— Вы опасаетесь окружения 3-й моторизованной дивизии, Эльхлепп?

— Именно. До сих пор дивизия отбивала все атаки противника. Теперь же, после потери населенных пунктов Дмитриевка и Ракотино, оба ее фланга в опасности. Нам следует немедленно отвести дивизию с этого выдвинутого на юго-запад выступа.

Эльхлепп тут же приказал соединить себя с произведенным недавно в генерал-лейтенанты начальником штаба. Шмидт был уже в курсе дела, равно как и находившийся у него Паулюс. Дивизия получила приказ во избежание окружения отойти на новые оборонительные позиции восточнее линии Дмитриевка — Ракотино.

В этот роковой день 10 января офицеры связи и порученцы буквально заполонили армейский командный пункт. Трудно было поверить, что эти замотанные в тряпье фигуры являются офицерами. Наружу выглядывали только глаза, рот и нос, ноги у большинства из них были

обмотаны обрывками одеял. Одеты они были в потрепанные, потертые шинели. И лишь у немногих было зимнее обмундирование, и то преимущественно русского происхождения. Зачастую эти офицеры не могли расстегнуть окоченевшими руками пряжку полевой сумки, чтобы достать донесение. Лишь после одного-двух стаканов горячего чая они начинали бессвязно рассказывать об ужасных событиях последних часов, отчаянном сопротивлении немецких солдат, уничтоженных огнем противника батареях и взрывавшихся штабелях боеприпасов, о панике в тыловых частях и среди раненых. Кто мог передвигаться, тот, обезумев от страха, бежал в Сталинград.

Лейтенант одной из дивизий на юго-западном участке котла сообщил, что в течение последних дней два или три немецких коммуниста через громкоговорители призывали прекратить сопротивление и сдаваться в плен русским.

— Такую пропаганду мы слышим не в первый раз, — добавил он. — Меня они на это не поймают. Только теперь у коммунистов есть немецкий капитан и два оберлейтенанта. Если, конечно, это не обман.

— Все ли солдаты реагируют на призывы сдаваться в плен так же, как вы? — спросил я.

— Солдаты слушают передачи, однако тому, что в них говорится, не верят.

Страх перед пленом был еще так велик, что даже в безнадежном положении, когда каждая минута промедления могла стоить жизни, лишь немногие солдаты переходили на сторону Красной армии.

Генерал-полковник Паулюс немедленно доложил командованию группы армий «Дон» о чреватых тяжелыми последствиями прорывах на западном и южном участках котла. Он добавил, что командование 6-й армии не видит серьезной возможности остановить продвижение противника. Несмотря на это, на угрожаемые участки были направлены наспех сформированные сводные

подразделения. Хотя Паулюсу и Шмидту было ясно, что дальнейшее ослабление сражающихся в городе дивизий недопустимо, они сами же приказали LI армейскому корпусу передать как можно больше батальонов, рот и артиллерийских подразделений на западный и южный участки котла. Армейский механизм скрипел, но еще работал. Он подчинялся своим внутренним законам. Генерал-полковник Паулюс признавал, какая смертельная опасность грозит его армии, он тяжело страдал от взваленной на его плечи ответственности. Но Паулюс, как и его ближайшее окружение, считал виновниками катастрофы только Гитлера, генеральный штаб и командование группы армий «Дон». Мы продолжали действовать, хотя наши сердца истекали кровью, а дух был надломлен. Многие заплатили за это своей жизнью.

Никогда не забуду разговора с Паулюсом вечером 10 января 1943 года. Эта беседа показывает, что нас раздирает тогда внутренний конфликт, и свидетельствует о том, что в конце концов все мы были тогда за продолжение войны и считали, что должны пожертвовать 6-й армией.

— Мой дорогой Адам, — начал командующий, — теперь, конечно, многие солдаты и офицеры спрашивают: почему Паулюс не принял предложения о капитуляции, почему он в этом безнадежном положении не действует вопреки приказу Гитлера? Вы знаете, что я не имею права действовать наперекор приказам верховного командования. Но не только это не позволяет мне капитулировать. Чем кончится война, если будут окружены и наши армии на Кавказе? А ведь такая опасность им угрожает. Пока мы боремся, мы сковываем здесь русские армии, которые им необходимы для крупной наступательной операции против группы армий «А» на Кавказе и против все еще нестабильного фронта от Воронежа до Черного моря. Мы должны держаться здесь до последнего, чтобы Восточный фронт мог стабилизироваться. Только если

это удастся, можно будет надеяться, что война закончится для Германии благополучно.

— Позвольте сделать одно замечание, господин генерал-полковник, — вставил я. — Вероятно, на вашем месте и я едва ли решился бы на капитуляцию. Но допустим, что это случилось. Разве могли бы русские перебросить свои высвободившиеся здесь армии на фронт, отстоящий от нас более чем на 300 километров, раньше, чем через несколько недель?

— В этом вы, безусловно, заблуждаетесь. Русские — мастера импровизации, это они не раз доказывали в прошлом. То, что нам кажется невозможным, для них возможно. При нашем отчаянном положении на южном участке любое усиление вражеских сил может стать для нас роковым. Я могу оказаться виновником того, что будет проиграна война в целом. Чтобы предотвратить такую катастрофу, мы должны сражаться дальше.

Паника в Питомнике

10 января и в последующие дни одна ужасная весть следовала за другой. Все они говорили об одном. Сообщалось о новом прорыве кое-как заштопанной оборонительной линии, бегстве от русских танков. Наши солдаты бросали позиции без приказа. Выявилась несостоятельность командиров сводных подразделений. Повсюду началось разложение. Особенно тревожное сообщение пришло 12 января. Наш единственный аэродром Питомник захвачен русскими танками. Солдаты в панике бежали.

Начальник штаба неистовствовал. Как это могло случиться? По последним донесениям, у нас складывалось впечатление, что аэродрому пока не угрожала непосредственная опасность. Может быть, это был только слух? Шмидт требовал полной ясности, ведь речь шла о безопасности армейского командного пункта.

Посланная туда разведывательная группа вскоре возвратилась. Оказалось, что наши войска — летчики, шоферы, санитары, раненые — удрали от разведки противника, тем временем снова отошедшей назад. На этот раз я мог понять припадок ярости у Шмидта.

Паулюс приказал усилить оборону аэродрома и срочно возобновить его эксплуатацию. Офицер штаба, ездивший в Питомник за почтой, рассказал нам подробно о событиях в Питомнике.

— Паника началась неожиданно и переросла в невообразимый хаос. Кто-то крикнул: «Русские идут!» В мгновение ока здоровые, больные и раненые — все выскочили из палаток и блиндажей. Каждый пытался как можно скорее выбраться наружу. Кое-кто в панике был растоптан. Раненые цеплялись за товарищей, опирались на палки или винтовки и ковыляли так на ледяном ветру по направлению к Сталинграду. Обессилев в пути, они тут же падали, и никто не обращал на них внимания. Через несколько часов это были трупы. Ожесточенная борьба завязалась из-за мест на автомашинах. Наземный персонал аэродрома, санитары и легкораненые первыми бросились к уцелевшим легковым автомашинам на краю аэродрома Питомник, завели моторы и устремились на шоссе, ведущее в город. Вскоре целые гроздья людей висели на крыльях, подножках и даже радиаторах. Машины чуть не разваливались под такой тяжестью. Некоторые остановились из-за нехватки горючего или неисправности моторов. Их обгоняли не останавливаясь. Те, кто еще был способен передвигаться, удирали, остальные взывали о помощи. Но это длилось недолго. Мороз делал свое дело, и вопли стихали. Действовал лишь один девиз: «Спасайся, кто может!»

Но как можно было спастись в разбитом городе, в котором нас непрерывно атаковали русские? Речь шла не о спасении, а о самообмане подстегиваемых страхом,

оборванных, полумертвых людей, сломленных физически и нравственно в битве на уничтожение.

Скоро, правда, стало известно, что Питомник снова в наших руках. И хотя выяснилось, что аэродром атаковала лишь разведка противника, немногие больные и раненые возвратились назад. Слишком глубоко овладел страх нашими солдатами. Большинство же летчиков и санитаров лишь к вечеру вернулось в Питомник.

Фантастические планы выхода из окружения

В штабе армии и особенно в штабе LI армейского корпуса возникали различные планы: нельзя ли сократить территорию котла и тем самым сконцентрировать силы, создать известный резерв?

Паулюс отверг этот план, объяснив, что это означало бы добровольную сдачу жизненно необходимого аэродрома.

Нельзя ли все-таки прекратить сопротивление? — вопрошали другие. Нет, только не это. Это было бы равнозначно пленению и создало бы угрозу нашим сражающимся вне котла армиям, заявил Паулюс.

Быть может, следовало бы без артиллерийской подготовки небольшими группами пробиваться из котла? Это предложение исходило из штаба Зейдлица. Смысл предложения сводился к следующему: расположенные по берегу Волги дивизии ночью попытаются прорваться по замерзшей реке на юг за линии противника. Там они соединятся с немецкими войсками, ведущими бои между Доном и Волгой и тоже продвигающимися на юг.

План Зейдлица предусматривал соединение 6-й армии с немецкими войсками за пределами котла. Мы предполагали, что отступающая армия Гота еще ведет бои южнее Цимлянской.

Шмидт считал, что такая операция по прорыву дорого обойдется 6-й армии. Тем не менее он согласился с ней.

Это выглядело весьма странно. До сих пор Шмидт упорно требовал безусловного повиновения приказам Гитлера. Теперь, когда прорыв безнадежен, он собирается послушаться приказа.

Однако и этот план не был реализован. Правда, его одобрили некоторые дивизии, солдаты которых уже много недель находились в городе и физически не были еще окончательно измотаны. Все другие дивизии отклонили план как иллюзорный, так как не считали возможным вести наступление силами полуголодных, больных солдат.

Все это еще раз показало, что командование армии блуждало в потемках, а в вышестоящих штабах царил полная неразбериха. Никто из нас не знал, где находятся немецкие войска на южном участке советско-германского фронта. Начальник разведывательного отдела штаба армии утверждал, что они отошли на 400 километров к западу, но мы ему не верили. Это означало бы, что немецкая армия откатилась на исходные позиции лета 1942 года. Но ведь тогда вся наша прошлогодняя борьба была напрасной! Мы не хотели этому верить. «Ибо, — заключали мы с едкой иронией моргенштерновского Пальмштрёма¹, — не может быть того, чего быть не должно».

Манштейн, хорошо знавший настроения в 6-й армии, старался держать Паулюса в неведении о положении на фронтах.

Генерал-майор Пиккерт покидает свою дивизию

Хотя 6-я армия была глубоко разочарована в Манштейне, который в трудные дни бросил ее на произвол судьбы, Паулюс и Шмидт в этой отчаянной ситуации

---

¹ Христиан Моргенштерн (1871—1914) — немецкий поэт. Пальмштрём — персонаж цикла стихотворений. Адам приводит слова из стихотворения «Невозможный факт».

Содержание

Германские войска продвигаются к Волге	5
Провал наступления на Сталинград	88
Контрнаступление и окружение	162
Между надеждой и гибелью	202
Трагический финал	294
К новым берегам	365

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49